

В итоге можно говорить о существовании влажно-го и прохладного климата в западно-сибирской лесостепи в VI – III вв. до н.э. Установлено, что в III – II вв. до н.э. имело место кратковременное потепление, сменившееся затем новым похолоданием с увеличением увлажнения, а в первые века нашей эры – снова потеплением и большей сухостью. По-видимому, резкое усыхание степной зоны в Среднеазиатском регионе в первые века нашей эры не было столь же значительным в Зауралье. Оно не сказалось отрицательно на природных условиях и социально-экономических процессах в западно-сибирской лесостепи; наоборот, судя по большому количеству раскопанных могильников этого времени, здесь наблюдается рост численности населения и подъем культуры [Матвеева, 2000].

Из изложенного следует, что изменения климата были весьма существенными и не могли не вызвать серьезных экономических и этнокультурных трансформаций на юге Западной Сибири, в том числе крупных миграций и развития экономических и культурных контактов с номадами прилегающих степей в VI – V вв. до н.э., а также оседлым населением древних государств Центральной Азии – начиная с III в. до н.э. Установленные нами [Матвеева, 1997, 2000] такие факты, как возникновение военной дружины и многочисленные войны на саргатской территории в III – I вв. до н.э., могли быть тоже спровоцированы переселением отдельных племен и переделом земель.

Список литературы

- Демкин В.М.** Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. – М.: Междунар. науч. фонд Сороса, 1996. – С. 232 – 236.
- Иванов И.В.** Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов. – Волгоград: Ин-т археол. РАН, 1994. – С. 85 – 87.
- Иванов И.В., Васильев И.Б.** Человек, природа и почвы Рыш-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – С. 161 – 163.
- Кременецкий К.В., Тарасов В.П., Черкинский А.Е.** История островных боров Казахстана в голоцене // Ботанический журнал. – 1994. – Т. 79, № 3. – С. 13 – 19.
- Ларин С.И., Матвеева Н.П.** Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 132 – 140.
- Максимов Е.В.** Голоцен (ритмичный вариант системы Блитта – Сернандера) // Изв. ВГО, 1986. – Т. 118, вып. 1. – С. 10 – 20.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.
- Матвеева Н.П.** Гипотетическая социальная структура саргатского населения Западной Сибири // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация: Материалы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 55 – 59.
- Матвеева Н.П.** Нижне-Ингальский-1 могильник // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. – Тюмень, 1999. – С. 85 – 94.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.
- Матвеева Н.П.** Старо-Лыбасевский-4 могильник по раскопкам 1999 года // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 98 – 113.
- Орлова Л.А.** Голоцен Барабы: Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.
- Рябогина Н.Е., Матвеева Н.П., Орлова Л.А.** Новые данные о природной среде Зауралья в древности (палеонтологические исследования отложений Нижне-Ингальского-3 поселения) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 205 – 213.
- Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н.** Реконструкция условий обитания населения Нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – С. 33 – 39.
- Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И.** Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Приоболжья в голоцене // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 61 – 63.
- Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И.** Динамика растительности на границе подтаежной и лесостепной зон Зауралья в среднем и позднем голоцене (по материалам спорово-пыльцевого анализа торфяника Андреевского) // Современные проблемы популяционной, исторической и прикладной экологии. – Екатеринбург: Екатеринбург, 2001. – Вып. 2: Материалы конф. молодых ученых, 23 – 27 апреля 2001, ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург. – С. 211 – 215.
- Хотинский Н.А.** Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 97 с.
- Шнитников А.В.** Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 337.

Материал поступил в редколлегию 3.06.02 г.

УДК 903.5

Э.Б. Вадецкая¹, В.А. Протасов²¹*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: vadetskaya@mail.ru*²*Государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова
ул. Льва Толстого, 8/6, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: .recter@spmu.rat.ssi.ru*

ЕНИСЕЙСКИЕ МУМИИ **(археологические источники и их анатомическая экспертиза)**

Введение

С III в. до н.э. по VII в. люди, расселявшиеся на берегах Енисея и верхнего Чулыма (носители тагарской и таштыкской археологических культур), в одной могиле хоронили десятки умерших. Со временем изменялись конструкции погребальных сооружений, вещи, изготовлявшиеся для мертвых, способы захоронения и признаки подбора покойников, но сохранялась традиция класть определенную группу умерших в одну могилу и одновременно предавать их огню.

С конца XIX в. археологов интересуют коллективные захоронения в особо крупных бревенчатых камерах площадью до 30 м² (в лесостепи) и 50 м² (в степи), расположенных под насыпями высотой до 3 – 4 м и по современной периодизации относящихся к позднему (тесинскому) периоду тагарской культуры – с начала нашей эры до IV в. [Вадецкая, 1999, с. 147 – 175]. Сначала, обратив внимание на большое (до 100, иногда больше) количество скелетов, они пытались выяснить: хоронили трупы вместе или в разное время, помещали их в ямы сразу после смерти или временно погребали в других местах и уже потом переносили в коллективные могилы [Спицын, 1899]. Чуть позже предметом любопытства специалистов стали оригинальные, но бутафорские бронзовые миниатюрные и полноразмерные глиняные изделия, сопровождавшие мертвых. В 60 – 70-е гг. XX в. археологи начали исследовать устройство погребальных камер и обряд погребения и в этой связи заинтересовались следами обработки тел умерших. Такими следами чаще всего являются посмертные трепанационные

отверстия (с одной или двух сторон черепа), заполненные травой, а также глина, которой обмазаны череп снаружи. Реже сохраняется трава, которой была заполнена грудная полость скелета, обернуты кости рук и ног. В одном кургане на остатках травы зафиксированы фрагменты грубой кожи, в двух – прутики, скреплявшие череп со скелетом. Органические остатки ввиду плохого состояния исследованы мало, что объясняет различия в суждениях ученых о том, мумифицировались ли трупы или реставрировались скелеты. Опыт первого изучения масок с привлечением методов точных наук дал во многом неожиданные результаты, которые изложены в данной статье.

Археологические источники

Под тесинскими масками подразумеваются глиняные и гипсовые скульптуры, вылепленные на лицевой части черепа человека поверх глиняной обмазки. До наложения маски мозговой отдел черепа заполнялся травой, а глаза, носовая и часто ротовая полости – глиной, поэтому такие черепа иногда называют глиняными головами.

Остатки обмазок и масок обнаружены в 20 курганах тесинского этапа [Вадецкая, 1999, рис. 65, 77]. Первые из них были найдены И.Р. Аспелиным еще в 1889 г. (курган у с. Тесь (правый берег Енисея)), а самые последние – Э.Н. Киргинековым в 2001 г. (курган в г. Черногорске около Абакана). Тем не менее масок для изучения немного, поскольку черепа в коллективных могилах плохо сохраняются, особенно, если на них снаружи давит глиняная обмазка, а изнутри –

1

2

Рис. 1. Череп с глазницами, заполненными глиной и покрытыми гипсом, с куском глины в ротовой полости. Черногорск. Фото Э.Н. Киргинекова.

Рис. 2. Черепа, лицевые части которых обмазана глиной и покрыты гипсом, покрашенным красной краской. Черногорск. Фото Э.Н. Киргинекова.

глиняное заполнение полостей черепа. Извлечь из могилы удастся, как правило, лишь части обмазанных глиной черепов или фрагменты масок. Поэтому в литературе имеются очень краткие описания таких черепов, отражающие первые впечатления авторов раскопок.

Первые описания десятков черепов с глиной сделали археолог А.В. Адрианов и антрополог К.И. Горощенко в 1897 г. при раскопках кургана у оз. Кызыл-Куль. Ими впервые на 55 из 109 черепов, находившихся в могиле, были обнаружены четырехугольные отверстия величиной с куриное яйцо, сделанные в височной области, чаще с обеих сторон. У многих черепов глиной заполнены глазницы, носовое отверстие, пазухи под скуловой дугой, а на некоторых скелетах обмазано несколько первых позвонков. По наблюдениям А.В. Адрианова, глина на лицевой части большинства черепов сверху была покрыта бесформенной массой гипса или гипсовой маской ярко-красного цвета с черными полосами или кружками на щеках. Таким образом, А.В. Адрианов на черепах выделял глиняную обмазку, гипсовую облицовку и маску. У масок были моделированные гипсом глаза, нос, губы (ГИМ, кол. 36854). Археолог отмечал, что “внутри нескольких черепов был спущен мятый комок глины” [Адрианов, 1902 – 1924, с. 60]. Видимо, имелось в виду заполнение ротовой полости. К.И. Горощенко называл масками все черепа, на которых была глина, хотя ее нельзя было снять с черепа. Маски-черепки из Кызыл-Куля он разделил на три типа: покрытые а) глиной, б) глиной и сверху слоем гипса, в) глиной, гипсом и сверху еще одним слоем глины [Горощенко, 1899, с. 177 – 179]. Очевидно, это

были черепа с уже отреставрированными в древности масками. Спустя два года К.И. Горощенко издал каталог черепов, хранившихся в антропологическом отделе Минусинского музея, в который были включены и находки из кургана Кызыл-Куль. В нем значится лишь один череп, полностью обложенный глиной (включая нижнюю челюсть и пять шейных позвонков) и облицованный гипсом. Кроме того, указаны два черепа, на которых глина сохранилась частично: либо на черепной крышке и в глазницах, либо на лицевой части – “в пазухах скуловой области” и носовых отверстиях. Причем два из трех указанных черепов не были трепанированы. На других девяти неполных черепах (без нижней челюсти) глина или глина с гипсом остались только в глазницах или в глазницах и носовых отверстиях [Горощенко, 1900, с. 5 – 7, рис. на с. 30]. Красная глина до сих пор находится в глазницах нескольких черепов [Медникова, 2001, с. 240, рис. 1].

Таким образом, после извлечения из кургана черепа, как правило, уже не соответствовали описаниям А.В. Адрианова и К.И. Горощенко. Но достаточно полное представление о них, видимо, можно получить по трем черепам из раскопанного в г. Черногорске кургана, который находится сравнительно недалеко (к востоку) от кургана Кызыл-Куль*. Целый череп имеет четырехугольное отверстие в правом виске. Глиняная обмазка сохранилась местами, но видно, что череп был покрыт ею полностью, включая основание, глазницы забиты глиной и облицованы гипсом, а в рот вложен кусок глины (рис. 1). На двух других

* Приносим благодарность Э.Н. Киргинекову за присланные фотографии и разрешение их опубликовать.

черепях (без нижней челюсти) гипс был нанесен поверх глины на лицевую часть и сплошь покрашен ярко-красной краской, на которой в некоторых местах видны черные полосы (рис. 2).

Новые сведения о масках были получены уже в 1971, 1977 гг. при раскопках М.Н. Пшеницыной курганов Барсучиха I (левый берег Енисея) и Тепсей XVI (правый берег Енисея). Впервые установлено, что черепа с обмазками лежали как отдельно, так и с нарушенными скелетами. В мозговом отделе у всех черепов сохранились остатки растительной массы, а у некоторых глиной была заполнена полость рта [Пшеницына, 1975, с. 44 – 49]. В кургане Барсучиха I обнаружено 12 масок (на 39 скелетах); на одном черепе с маской в затылочной зоне сохранились остатки светлых волос [Там же, с. 45]. Согласно сведениям М.Н. Пшеницыной, преобладали маски, на которых глину покрывал тонкий слой гипса, имелись следы черной и красной краски. К сожалению, из могилы удалось извлечь лишь нижнюю часть глиняной расплющенной маски без следов гипса либо росписи [Там же, с. 46, рис. 1]. Она грубо вылеплена, ее стенки толщиной до 4,5 см. Между толстыми губами имеется прорезь, в которой виден зуб. На стенке маски с внутренней стороны отмечаются вдавленные мелкие кусочки костей черепа и двух верхних позвонков (ГЭ, кол. 2622, № 36). В кургане Тепсей XVI было 37 масок (на 42 скелетах), одна из которых зарисована при раскопках. Маска глиняная, грубая. Она покрывает весь череп, шейный отдел позвоночника и переходит в “нагрудник”, достигающий по ширине до плечевого сустава. В глиняных глазницах сделана широкая и глубокая прорезь [Пшеницына, 1992, табл. 29, рис. 2]. Собраны также обломки более чем десяти масок. В ходе осмотра нами установлено, что они в основном грубые, неровные по толщине, без гипсовой облицовки, но со следами росписи поверх глины. Преобладают обломки шей, подбородков, “нагрудников”, а также “глаза”, и куски глины, вставленные в трепанационные отверстия в черепе и обмазанные сверху (вместе с черепом) глиной. На оборотной поверхности этих “пробок черепа” видны отпечатки травы, заполнявшей черепную коробку. Судя по отпечаткам на тыльной стороне обломков глиняных шей и подбородков, мумии в соответствующих местах были обмотаны стеблями травы и обвязаны веревками и ремнями. На нескольких фрагментах с затылочной зоны видны отпечатки, предположительно, волос. Маски вылеплены из глины, а также из смеси золы с небольшим количеством песка. Ротовая полость черепа была заполнена древесным пеплом, смешанным с известью, или суглинком. Использовалась, как правило, коричневая глина с добавлением извести, но имеется маска неместного происхождения, вылепленная из серой глины с добавлением гипса. Для придания пластичности в глиняное

тесто в небольшом количестве добавлялись рубленая трава (со стеблями) и шерстяные нити*. В целом маски из кургана Тепсей XVI значительно отличаются от масок из курганов Кызыл-Куль, Черногорск и Барсучиха I.

Еще один вид масок зафиксирован на рисунках и фотографиях в 1982 г. при раскопках Э.Б. Вадецкой в долине верхнего Чулыма кург. 2 у с. Береш. Поверхность свода черепа (мозговой отдел был забит травой, а глазницы и рот глиной) обмазана глиной, а на лицевой стороне грубо смоделированы лоб, виски, массивные брови и нос. Вся голова обшита куском кожи, на месте глаз сделаны прорезы, пришит отдельно скроенный нос. Сверху кожа обмазана еще одним слоем глины толщиной 0,5 см, лицевая часть загрунтована гипсом, на котором сохранились следы росписи красной краской [Вадецкая, 1995, с. 102 – 105, рис. 9]. Маски этого типа с имитацией головных уборов отмечены на 60 скелетах кургана. Подобные маски по внешнему виду и химическому составу глины (смешанной с гипсом) характерны в целом для северного лесостепного региона.

Наиболее хорошо сохранились черепа с масками в кургане Новые Мочаги, расположенном у д. Калы в 12 км от г. Саяногорска (раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1983 г.). В камере находились останки 120 чел., большая часть черепов была трепанирована, заполнена смесью травы с землей и мелкими угольками и снаружи обмазана глиной, обмазка захватывала шею вплоть до ключицы. Н.Ю. Кузьминым выделены два типа масок. Одни маски глиняные, расписанные черной и красной краской, лишь глаза и губы на них дополнительно моделированы гипсом, иногда в глиняные глазницы вставлены стеклянные голубовато-зеленые бусины. Другие поверх глины сплошь покрыты слоем гипса, который раскрашен красной и черной краской по белому, серому и желтому фону [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149]. Десятки черепов, извлеченных из могилы, позже разрушились. Почти целиком маски сохранились лишь на четырех черепах, на которых глина была закреплена до транспортировки. Черепа были трепанированы в области левого виска и обмазаны одним слоем глины толщиной до 1 – 1,5 см. Лицевые скульптуры индивидуальные и выполнены в разной манере. Ротовая полость заполнена глиной не всегда, шейные позвонки обмазаны глиной только снаружи. Лица на двух черепах моделированы только глиной. На первом изображены крупный нос и выступающие скулы. Лицо без росписи. Шейные позвонки (в анатомическом порядке) до ключицы спереди

* Все указанные в статье рецепты глины, обнаруженной в курганах Тепсей XVI, Новые Мочаги, Лисий, Береш, выполнены сотрудником лаборатории археологической технологии ИИМК РАН Е.Ю. Медниковой.

Рис. 3. Голова, моделированная глиной.
Новые Мочаги.

Рис. 4. Голова, моделированная глиной и расписанная
красной и черной краской. Новые Мочаги.

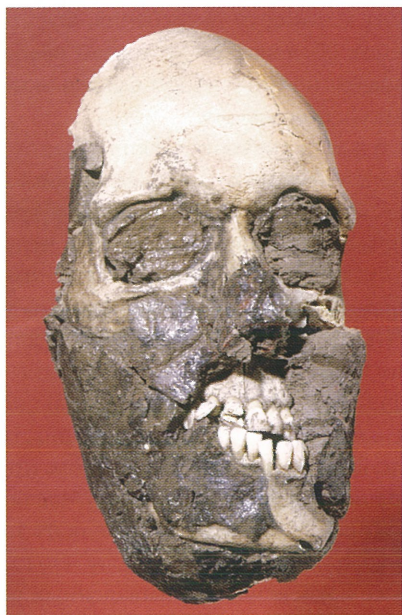

Рис. 5. Череп, обмазанный глиной (без гипсовой
облицовки). Новые Мочаги.

Рис. 6. Череп, обмазанный глиной, с моделированными
гипсом чертами лица и росписью. Новые Мочаги.

обмазаны глиной. Полость рта не была заполнена глиной, в ротовом отверстии видны зубы. На одном фрагменте глины с затылка сохранились отпечатки волос (рис. 3). На втором черепе глиной моделированы небольшой нос, губы, подбородок. Нижняя часть лица от верхней губы как бы закрыта красной полосой шириной 1,5 см. В области ушей нарисовано черное кольцо. Раскрашенная глина сверху покрыта тонким слоем гипса, кусочек которого остался в области глаза и

верхней части щеки. Поверхность облицовки покрашена красной краской, а прорезь глаза и узор на щеке нарисованы черной краской. Шейные позвонки со всех сторон обмазаны глиной (рис. 4). С третьего черепа гипс был снят автором раскопок. Под гипсовой облицовкой оказались забитые глиной глазницы, обмазанные кости носа и зубы. Без гипса глиняная обмазка не передает лицо человека. Полость рта заполнена глиной. Шейные позвонки были обмазаны

глиной, но внутри позвонков и между ними глина отсутствовала (рис. 5). Глиняная обмазка, которая покрывала четвертый череп и первые позвонки, покрыта слоем гипса толщиной в 2 – 4 мм. Гипсом моделированы глаза (с прорезью), нос, губы, уши. Скульптурно запечатлено лицо с мелкими чертами и закрытыми глазами. На слое белого гипса имеются следы росписи, выполненной красной краской. Внутри черепа сохранились остатки тростника, ротовая полость заполнена глиной, между отростками позвонков глина не зафиксирована (рис. 6)*.

Таким образом, в одном кургане обнаружены разные по исполнению скульптуры: лицо либо моделировано глиной и иногда обмазано гипсом, либо обмазано глиной и моделировано гипсом. При раскопках кургана с 50 глиняных голов сняты гипсовые покрытия. Они одинаковы по составу теста (основной компонент гипс, глинистые вещества 1,5 – 2,4%, кварцевый песок 2 – 4,3%, карбонат кальция в следовых количествах), в которое при смешивании гипса с водой были добавлены немного измельченных злаковых растений (определение М.И. Колосовой) и шерсть. Для росписи гипса использованы охра, киноварь и древесный уголь. Гипсовые покрытия, разные по толщине (2 – 8, 9 – 16, 6 – 20 мм), имеют один или два основных и отделочный (толщина 1 мм) слои. Верхний основной слой нанесен после полного высыхания предыдущего, а отделочный – до полного высыхания. С тыльной стороны некоторых масок зафиксированы отпечатки переплетений тканей и складок кожи**. Значит, либо все, либо часть “глиняных голов” мумий из кургана Новые Мочаги были обшиты тканью или кожей (как в кургане Береш), а затем покрыты или моделированы гипсом. Варианты росписи гипсовых покрытий пока не исследовались; обращают на себя внимание сплошь красные, которые, хотя и не отмечены Н.Ю. Кузьминым [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149], но имеются в курганах Кызыл-Куль, Черногорске и Лисьем у с. Сабинки (раскопки Г.П. Павлова в 1984 г.). К сожалению, из коллекции, собранной в последнем кургане, удалось найти лишь фрагменты трех черепов и почти целый череп без нижней челюсти, покрытый гипсом, который был сплошь окрашен в ярко-красный цвет.

Можно сделать вывод, что ни технология, ни манера изготовления масок не были едиными даже в пределах одного коллектива. Принципиальные различия еще предстоит выявить. Но вернемся к терми-

* Таксонометрическое определение частиц сделано микроскопическим методом по признакам анатомического строения фрагментов эпидермиса (кожицы) побегов и листьев сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой.

** Технология гипсовых облицовок и их химический анализ установлены сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Л.С. Гавриленко.

нологии. Если череп, его заполнение (трава и глина), обмазку и скульптуру рассматривать в целом, то логично использовать термин “глиняная голова”. Если же череп считать каркасом скульптуры, то глиняно-гипсовые изображения, отделив от операций, которые проводили с головой или черепом, правильнее называть масками. Тем более что по смыслу (изображение лица умершего) и характеру (каркас и глиняная прокладка, поверх которой лепили лицо) они схожи с гипсовыми таптыкскими масками, которые лепили либо на лице трупа (поверх ткани или кожи), либо на его имитации – кожаной, набитой соломой болванке. [Вадецкая, 1999, рис. 6, 48 – 54.].

Дискуссия

Дискуссия о том, как и с какими целями проводились операции с людьми, захороненными в коллективных могилах, возникла вскоре после раскопок кургана Кызыл-Куль и продолжается до сих пор. Сформировались две точки зрения: либо скелеты реставрировали для погребения, либо трупы мумифицировали для сохранения к моменту погребения. Отсутствие единого мнения объясняется не только слабой изученностью масок, но и наличием фактов, которые можно трактовать по-разному.

При изучении кызыл-кульских черепов К.И. Горощенко сделал несколько противоречащих друг другу наблюдений. С одной стороны, черепа трепанировали, как правило, вскоре после смерти человека – отверстия (судя по их краям) сделаны преимущественно на неистлевших (“сырых”) и редко на истлевших (“сухих”) черепах. С другой стороны, глиной обкладывали не голову, а череп – ею заполнены глазницы. Хирургического вмешательства не было – тонкие носовые косточки сохранились полностью, кроме того, глиной были заполнены такие “пустоты лицевой части черепа, которые были недоступны постороннему, даже жидкому веществу”. Исходя из этих наблюдений, антрополог пришел к выводу, что глиной отделяли уже истлевший или вываренный череп, а посмертная трепанация и извлечение мозга имели целью ускорить превращение трупа в скелет и последующую реставрацию (с помощью глины) черепа [Горощенко, 1899, с. 178 – 179; 1900, с. 6, 9, 38].

Вторично черепа были осмотрены антропологом М.Б. Медниковой, подтвердившей, что трепанация производилась сразу после смерти, а моделировка лицевого отдела черепа – после удаления мягких тканей [2001, с. 210 – 211].

Н.Ю. Кузьмин, изучавший находки из кургана Новые Мочаги, также считает, что маску изготавливали на черепе. Это доказывают, по его мнению, заполненные глиной глазницы и предположительно моделировка лица по частям. Однако, учитывая анатомический

порядок большинства скелетов, Н.Ю. Кузьмин высказывает предположение, что реставрировался не только череп, но и весь скелет, по которому создавался “муляж” из травы. В основе этого суждения – факт обнаружения в кургане Лисий скелета, скрепленного с “глиняной головой” с помощью прута, который был пропущен сквозь позвоночник [Павлов, 1987, с. 112]. При этом Н.Ю. Кузьмин игнорирует мнение К.И. Горощенко об освобождении черепа от мягких тканей нехирургическим способом и обмазке черепа глиной спустя какой-то срок после смерти. По версии Н.Ю. Кузьмина, освобождение тела умершего от мышечных тканей каким-то неизвестным искусственным способом и создание по скелету его заменителя – “куклы” – происходило одновременно [Кузьмин, Варламов, 1988, с. 149 – 151].

М.Б. Медниковой осмотрены 20 разрушенных трепанированных черепов из кургана Новые Мочаги. На них обнаружены следы искусственного нарушения целостности мозговой капсулы, необходимого, по-видимому, для посмертного бальзамирования. Она отмечает, что попадание глины под скуловые дуги было бы невозможно, если бы до наложения мягкой глины лицевой скелет сохранял кожные покровы [2001, с. 217]. Следовательно, М.Б. Медникова допускает вероятность бальзамирования с частичным удалением тканей.

А.В. Адрианов был убежден, что в коллективных могилах одновременно захоронены люди, умершие в разное время. По его мнению, об этом свидетельствует различная сохранность скелетов. Археолог предполагал существование обычая временного погребения или долгого хранения трупа. Свою концепцию он изложил 24 февраля 1904 г. на заседании Московского Археологического общества в докладе “О древних погребениях с гипсовыми масками и с трепанированными черепами в Минусинском уезде”. Как утверждалось в докладе, маску изготавливали, чтобы запечатлеть образ умершего (для сохранения черт лица). Трепанация была посмертной и делалась с целью удаления мозга (как вещества, быстрее всего подвергавшегося разложению). Она была необходима для продолжительного сохранения трупа и дальнейшей его подготовки к захоронению (до погребения протекало много времени) [Адрианов, 1904]. Как видим, А.В. Адрианов в трепанации видел цель, противоположную той, на которую указывал К.И. Горощенко.

Идея А.В. Адрианова о связи трепанации, с одной стороны, с мумификацией трупа, а с другой – с сохранением черт лица умершего в маске, не получила признание у тех, кто считает, что маски изготавливали на черепе. По мнению одних оппонентов А.В. Адрианова, традиция мумификации существовала до появления обычая изготавливать маску, т.к. обнаружены ске-

леты с трепанированными и заполненными травой черепами, но без масок [Павлов, 1987, с. 111]. С точки зрения других, вероятно, мумифицировали тело, а голову освобождали от мягких тканей [Пшеницына, 1975, с. 48]. Однако, судя по анатомическому положению скелетов (включая кисти рук и стопы ног), а также остаткам волос в затылочной области [Там же, с. 45], в коллективных могилах хоронили мумии. Кроме того, на внутренней поверхности глиняных обмазок черепов в нескольких случаях зафиксированы отпечатки ушей, волос, глаз, а на глине из заполнения рта – отпечатки не только зубов, но и десен, других мягких тканей [Мартынов, 1979, с. 132, рис. 35]. Тезис о мумификации трупов, казалось бы, подтверждается реконструкцией внешнего вида мумий, сделанной по материалам из кургана Береш. Череп и тело трупа освобождали от органов (предположительно опускали в соль или обмазывали кедровой смолой), затем полости заполняли консервирующей растительной смесью, проложенными с двух сторон вдоль позвоночника прутиками скрепляли голову с телом, обмотанным травой и обшитым кожей [Вадецкая, 1986, с. 85 – 86; 1995, с. 105 – 108 рис. 8 – 10; 1999, с. 146, рис. 74, 81]. Дополнительная информация получена при осмотре масок и их фрагментов из курганов Новые Мочаги и Тепсей XVI. Поскольку внутри шейных позвонков, обмазанных снаружи глиной, глина отсутствует (Новые Мочаги), вероятно, к моменту наложения маски в них еще сохранялся мозг. Фрагменты заполнения глазниц, как выяснилось, разных очертаний, в т.ч. круглые, соответствующие по форме и размеру (диаметр 38 мм) главному яблоку человека (курган Новые Мочаги и Тепсей XVI). Сходство объясняется, возможно, тем, что глина была вложена в глазное яблоко (в мешочек глаза). В пользу данного предположения свидетельствует наличие в глине одного такого “глаза” (Тепсей XVI) органических веществ, похожих на компоненты крови (определения Е.Ю. Медниковой)

Анатомический анализ состояния тел погребенных при изготовлении масок

Поскольку выводы антропологов расходятся с наблюдениями археологов, а археологические факты между собой не стыкуются, находящиеся в ИИМК РАН черепа с глиной и их фрагменты были проанализированы с использованием не только антропологических, но и анатомических и судебно-медицинских методов. Для исследования были отобраны десять черепов (целые или без нижней челюсти) и пять фрагментов (нижние челюсти и шеи) из кургана Новые Мочаги, два черепа без нижней челюсти и три челюсти из кургана Лисий. Анализ материала проводился по видеозаписям с последующим уточнением деталей по фактическому материалу (рис. 7 – 13). Анато-

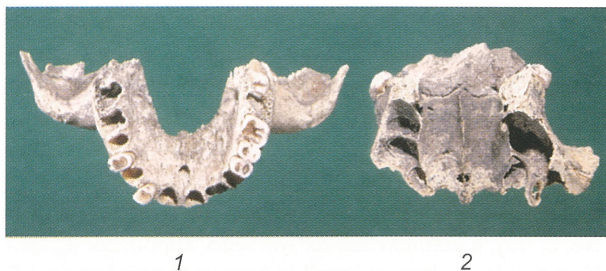

Рис. 7. Варианты заполнения глиной верхней челюсти черепа.

1 – фрагмент верхней челюсти с заполнением носовой полости через отверстие в небе (разрушены небные отростки верхней челюсти, небные кости отсутствуют); 2 – фрагмент черепа с заполнением носовой полости через хоаны (нижняя стенка носовой полости, полностью сохранено костное небо).

1

2

Рис. 9. Нижняя челюсть. Заполнение глиной ротовой полости.

1 – со стороны ротовой полости; 2 – со стороны диафрагмы рта.

1

2

Рис. 8. Заполнение глиной глазниц и носовой полости.
1 – без гипсовой облицовки; 2 – глина покрыта гипсом, окрашенным красной краской.

Рис. 10. Кости шейного отдела и основание черепа со следами глины.

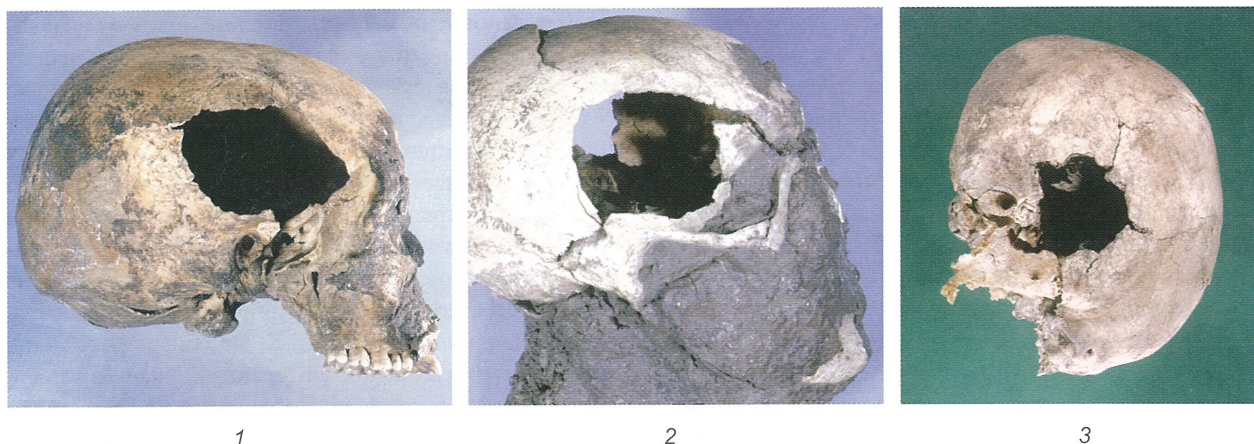

Рис. 11. Варианты трепанационных отверстий черепов. Имеются вторичные разрушения скуловой дуги (1), части чешуи височной кости (2) и большого крыла клиновидной кости (3).

Рис. 12. Кусок глины ("пробка") из трепанационного отверстия (внутренняя поверхность).

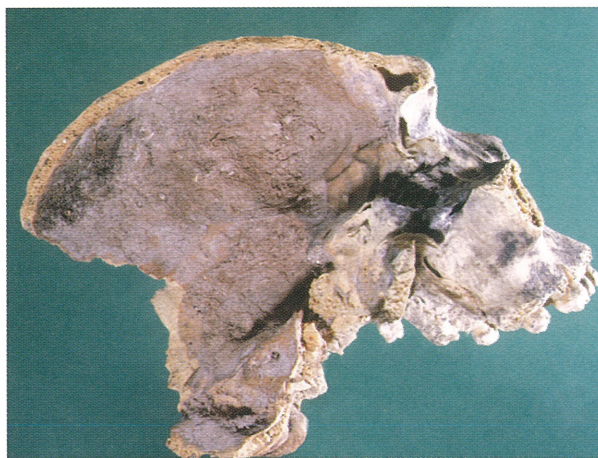

Рис. 13. Остатки растительной массы (тростника) из мозговой полости черепа.

мическая терминология соответствует русской транскрипции парижского варианта Международной анатомической номенклатуры (PNA).

На наружной поверхности мозгового и лицевого отделов черепа глина прилегает плотно (см. рис. 6). Это позволяет считать, что кости были предварительно освобождены от мягких тканей (скелетированы). Глиной полностью заполнены височная и подвисочная ямки, а также пространство под скуловой дугой (*arcus zygomaticus*). Эти участки, как и места прикрепления мышц к наружной и внутренней поверхностям углов нижней челюсти, к скуловым дугам и венечным отросткам (*processus coronoideus*) нижней челюсти, а также к чешуе (*pars squamosa*) височных костей, были полностью скелетированы перед наложением глины. Следы глины не выявлены в наружных отделах достаточно крупных каналов, таких как нижнеглазничный (*canalis infraorbitalis*) и подбородочный (*foramen*

mentale). Следы глины отсутствуют также в наружных слуховых проходах, закрытых глиняным основанием масок. Глина не выявлена в крыловидно-небных ямках (*fossa pterygopalatina*), которые без наличия мягких тканей могут заполняться как снаружи, так и через нижнюю глазничную щель (*fissura orbitalis inferior*) из глазницы. Это позволяет предположить наличие в них остатков мягких тканей в момент формирования глиняной маски.

В случаях присутствия верхней и нижней челюстей, удерживаемых глиной, мы не можем (ввиду вторичных смещений) точно определить, сохранились ли высохшие ткани и связки височно-нижнечелюстного сустава в момент формирования маски, хотя это вполне возможно. На отдельных образцах глина не заполняет пространство между жевательными поверхностями зубов или заполнение является незначительным. Это обстоятельство косвенно свидетельствует

об исходном смыкании челюстей, удерживавшихся остатками мягких тканей или искусственными фиксаторами. Имеются образцы с явно вторичным смещением нижней челюсти. Причем наиболее часто фиксируются смещения, вызванные боковым сдавливанием, которое сопровождало разрушение тела нижней челюсти, реже ее ветвей. У большинства черепов полость височно-нижнечелюстного сустава глиной не заполнена. Встречаются нарушения смыкания зубов с одновременным отсутствием глины в полости височно-нижнечелюстного сустава. Согласно результатам анализа, перед изготовлением маски нижняя челюсть могла быть как уже отделена от черепа, так и еще соединена с ним. Состояние глиняного заполнения позволяет высказать суждение о поэтапном конструировании маски. Сначала заполнялась носовая полость, затем глазницы (поэтому разрушенные части решетчатых костей обычно вдавлены в носовую полость). Заполнение ротовой полости и формирование шеи глиной производились позже.

Носовая полость заполнялась глиной со стороны либо ротовой полости, либо носоглотки после удаления диафрагмы рта и языка. Заполнение таким образом было продиктовано, видимо, стремлением не повредить носовые кости (в анатомическом понимании термина), в частности, спинку носа, что важно для конструирования маски. Кроме того, заполнить глиной носовую полость через узкие наружные отделы носовых ходов без разрушения их тонких и хрупких костных стенок крайне трудно. Гораздо легче выполнить эту манипуляцию через анатомически широкие хоаны. Для заполнения носовой полости со стороны рта частично удалялась костная часть неба, являющаяся нижней стенкой носовой полости (см. рис. 7, 1). При этом возможное частичное сохранение остатков мягкого неба не мешало процедуре заполнения. При заполнении носовой полости через носоглотку и хоаны на некоторых черепах сохранялась тонкая и непрочная горизонтальная пластинка небной кости (задний край костного неба) или ее повреждения были незначительными, что косвенно свидетельствует об остатках мягких тканей, защищающих кость от механического повреждения (см. рис. 7, 2). Выбор способа заполнения мог определяться, в частности, степенью сохранности мягких тканей. При заполнении носовой полости обоими способами не исключено проникновение глины в гайморовы пазухи, что и зафиксировано на ряде образцов. Это возможно в случае разрушения либо нижней стенки глазницы (верхняя стенка гайморовой пазухи), либо тонкой и непрочной латеральной стенки носовой полости (медиальная стенка гайморовой пазухи). Имеются примеры заполнения только одной гайморовой пазухи, что позволяет предположить, что заполнение гайморовых пазух (самые объемные sinusы черепа) не входило в обязательный ритуал.

При заполнении глазниц (см. рис. 8) глину вдавливали с усилием. Это приводило к разрушению решетчатых костей и смещению в сторону полости носа. У отдельных черепов разрушена нижняя стенка глазницы (верхняя стенка гайморовой полости). Глина в них заполняет гайморову полость (синус верхнечелюстной кости). Несмотря на усилия, которые прилагались при заполнении глазниц, глина никогда не заполняла верхнюю и нижнюю глазничные щели. Соответственно, она не проникала со стороны глазниц ни в полость черепа, ни в крыловидно-небную ямку. Не обнаружена глина и в достаточно широких зрительных (каналы зрительных нервов) и в носослезных каналах. Все это свидетельствует о частичном сохранении мягких тканей глазниц в момент их заполнения глиной.

Ротовая полость заполнялась глиной снизу через отверстие, образовавшееся после удаления диафрагмы рта и языка (см. рис. 9). В ряде случаев глина, поступавшая в носовую и ротовую полости, не сливалась в единый конгломерат, что свидетельствует о поэтапности этих операций. На глине хорошо видны отпечатки внутренних (ротовых) поверхностей верхних и нижних зубов. Иногда можно проследить и отпечатки костных рельефов ротовых поверхностей верхней и нижней челюстей. Однако мы ни разу не обнаружили проникновения глины в достаточно широкое внутреннее отверстие нижнечелюстного (*canalis mandibularis*) или большого небного (*canalis palatinus major*) канала. Скорее всего, они, как и другие упоминавшиеся нами каналы, были покрыты остатками мягких тканей. Установлены случаи неплотного прилегания глины: в местах прикрепления мышц диафрагмы рта к внутренней поверхности тела нижней челюсти и в крыловидных ямках (*fossa pterygoidea*), являющихся местом прикрепления мышц, имеется щель шириной 2–3 мм. Все это может свидетельствовать о незначительных различиях в степени скелетизации в момент изготовления мумий.

На основании черепа в большое (затылочное) отверстие черепа и яремные отверстия (*foramen jugulare*) глина не проникала. Свободными от глины оставались и сонные каналы (каналы сонных артерий). Об отверстиях, соединяющих полость черепа и полость глазницы, ранее уже упоминалось. Не установлен факт проникновения глины в полость черепа или в естественные отверстия на основании черепа.

В шейном отделе глина плотно прилегала к телу, дугам и отросткам позвонков, но не проникала в позвоночный канал между ними, исключением являются участки вторичных смещений и разрушений. Анатомический порядок позвонков не нарушен. На сохранившихся фрагментах расстояние между телами позвонков практически соответствует толщине межпозвонковых дисков. Глина не проникает

между телами позвонков. Все это свидетельствует о хотя бы частичной сохранности мягких тканей, соединявших позвонки в момент изготовления мумии. Отпечатки мышц шеи и туловища на глине отсутствуют (см. рис. 10).

На десяти наиболее хорошо сохранившихся черепах из кургана Новые Мочаги и на черепе из кургана Лисий имеется по одному искусственному (трепанационное) отверстию округлой формы. Они расположены слева в верхнебоковой части свода черепа, захватывают часть чешуи лобной и височной костей и часть теменной кости, реже большое крыло клиновидной кости. Края отверстий не совпадают со швами черепа и имеют зазубрины, сглаженные в ходе последующего естественного разрушения костной ткани (см. рис. 11). Такие отверстия могли быть вырублены не только специальным инструментом, но и обычным ножом. Полностью сохранившиеся края отверстий без вторичных дефектов не выявлены. Поэтому можно лишь косвенно судить о первоначальных размерах отверстий, в основном по форме и размерам глиняных “пробок”, закрывавших их (см. рис. 12). Диаметр трепанационных отверстий не превышает 7 – 10 см. Через них можно удалить головной мозг, но крайне сложно удалить твердую мозговую оболочку. На одном черепе из кургана Лисий зафиксированы остатки глиняной маски, но отсутствует трепанационное отверстие в своде черепа. При этом имеются обширные разрушения основания и частично свода черепа слева, которые могли быть получены перед смертью и явились причиной гибели. В этом случае дополнительная трепанация уже открытой полости черепа была не нужна ни для скорейшего разрушения мозга, ни для заполнения черепа травой.

В одном черепе из кургана Новые Мочаги сохранились истлевшие остатки растительной массы – явно заполнение полости черепа (см. рис. 13). Эта масса прикрывала естественные отверстия черепа. Масса не могла проникнуть в верхнюю глазничную щель со стороны полости черепа. Это позволяет предположить наличие остатков мягких тканей в момент заполнения полости черепа.

Обсуждение результатов

На основании представленных материалов можно предположить, что до изготовления мумии тела проходили стадию естественного разрушения мягких тканей в ходе гниения (естественная мацерация) и поедания мягких тканей насекомыми. Одновременно шел процесс высыхания. При этом сохранялись остатки высохших тканей (связки, твердая мозговая оболочка головного и спинного мозга), а также высохшие ткани в естественных костных каналах и наи-

более узких пространствах, таких как крыловидно-небная ямка и глазничные щели. Наиболее интенсивно такой процесс идет в теплое время года. Предварительное удаление мягких тканей и внутренностей не требуется.

Можно сделать вывод, что окончательному захоронению предшествовало первичное. Происходившая при этом естественная мацерация тел являлась необходимым этапом в ритуале изготовления мумий. Первичное захоронение могло осуществляться путем неглубокого закапывания тел в сухих почвах или обкладывания тел камнями. Однотипность состояния скелетированных тел в момент наложения масок позволяет сделать заключение об идентичности условий естественной скелетизации трупов. Первичная скелетизация происходила в период, включающий теплое время года. Для соблюдения данного условия тело должно находиться на стадии первичного захоронения не менее одного года. В этом случае останки сохраняются в виде скелета, кости которого будут соединены остатками высохших тканей и не изменят естественного анатомического положения. Сохраняться должно и соединение черепа с позвоночным столбом. (При захоронениях в средней полосе страны остатки мягких тканей могут частично сохраняться до двух – пяти лет.) Пребывание тел в стадии первичного захоронения свыше года маловероятно. В этом случае происходило бы повторное размачивание засохших остатков мягких тканей и их дальнейшее уничтожение в процессе гниения и поедания насекомыми. Останки людей представляли бы совокупность разрозненных костей, и характер заполнения черепов глиной был бы другим.

Условия первичного захоронения в одном географическом районе имеют различия, обусловленные хотя бы погодными условиями. Поскольку при первичном захоронении в предполагаемых условиях (неглубокая яма или обкладка трупа камнями) процесс гниения и выедания тканей насекомыми тормозится высыханием, то по степени сохранности ткани могут различаться. На черепе из поверхностных тканей может сохраняться и оставаться исходно плотная кожа волосистой части (скальп). Менее вероятно сохранение высохших ушных раковин. Кожа и другие мягкие ткани лица уничтожаются достаточно быстро.

В археологической литературе высказано суждение о возможности изготовления мумии путем удаления мягких тканей у свежего трупа механическим способом [Кузьмин, Варламов, 1988]. Судя по характеру прилегания глины к костям (в местах прикрепления мышц), последние не могли быть столь тщательно очищены механическим путем. Это возможно только при естественной скелетизации в ходе процессов гниения и поедания тканей насекомыми и их личинками.

Дискуссионным является вопрос о том, когда производилась трепанация черепа. Если на стадии первичного захоронения не вскрывать полость черепа, то гниющий мозг может задерживать высыхание тканей в крупных естественных отверстиях черепа, таких как верхние глазничные щели и яремные отверстия. В этом случае они могут стать путем проникновения насекомых в полость черепа и будут очищены. Но очищенные отверстия должны были бы заполняться глиной, однако этого мы не наблюдаем. Можно предположить, что трепанация выполнялась на стадии первичного захоронения, когда все полости черепа (носовая и ротовая, вскрытая полость черепа) оставались открытыми. Однако необходимости в этой процедуре не было, поскольку летнего периода в предполагаемых нами условиях первичного захоронения было вполне достаточно для удаления головного и спинного мозга из нетрепанованного черепа (с сохранением значительной части твердой мозговой оболочки). Справедливость данного вывода косвенно подтверждается присутствием в коллективных захоронениях нетрепанованных черепов. Трепанация без специальных инструментов, обычным ножом не представляет сложности, а хрупкость костей черепа, которая могла бы мешать вырубанию отверстий, появляется лишь через годы после захоронения. Поэтому не исключена “социальная” или, что более вероятно, ситуационная избирательность при выполнении этой операции.

Еще труднее ответить на вопрос: удалялись ли внутренние органы вместе с диафрагмой рта и языком при первичном захоронении. В предполагаемых условиях первичного захоронения естественное разрушение внутренних органов, диафрагмы ротовой полости и языка вполне возможно. Их остатки легко удалить при подготовке тела к окончательному захоронению. Несколько сложнее удалить органы грудной полости у свежего трупа. Удобнее это сделать, вскрыв грудную полость. Признаки вскрытия в виде разрезанных ребер или грудины явились бы абсолютным доказательством. К сожалению, в коллекции отсутствует материал для такого исследования. Вторым достаточно достоверным признаком предварительного изъятия внутренних органов можно считать отсутствие подъязычной кости, которая неизбежно удаляется вместе с гортанью, диафрагмой рта и языком. Но эти тоненькие косточки могли быть разрушены временем или просто утеряны при извлечении останков из первичного захоронения и в ходе окончательного формирования мумий.

Что касается глазных яблок и других мягких тканей глазницы, то можно отметить плотное прилегание глины к костным стенкам глазницы и лобной вырезки, кроме верхней глазничной щели и области зрительного канала. Столь тщательная очистка стенок глаз-

ницы механическим способом маловероятна. Кроме того, область зрительного канала и верхней глазничной щели (за глазным яблоком) прикрыты жировым телом. В случае естественной скелетизации при удаленном глазном яблоке нежная жировая ткань не могла препятствовать проникновению насекомых в верхнюю глазничную щель. Эта щель была бы расчищена насекомыми. Предотвратить расчистку могло высохшее глазное яблоко.

Закключение

Состояние останков позволяет предположить, что захоронение включало два этапа. На первом этапе большая часть мягких тканей удалялась естественным путем – ориентировочно на год труп закапывали на незначительную глубину в сухих почвах или обкладывали камнями. В этом случае происходило естественное разрушение мягких тканей в процессе гниения и выедания их насекомыми. Одновременно происходило высыхание остатков мягких тканей, что обеспечивало сохранность связей между костями и исходного взаимного расположения костей скелета.

Высохшая глина плохо держится на поверхности костей или на мягких тканях, поэтому наложение мягкой глиняной маски на нескелетированный череп весьма проблематично. Основными местами фиксации глиняной маски на скелетированном черепе являлись скуловые дуги, а также глиняные заполнения глазниц и носовой полости. Необходимость предварительной скелетизации как необходимого условия для фиксации глиняной маски на черепе могла являться предпосылкой и составной частью ритуала.

По скелету изготавливали имитацию покойника, которому клали преимущественно бутафорные изделия (исключая керамику). Трава и глина использовались в качестве реставрационного и консервирующего материала. Многие головы, а также область груди и погребальная кукла были заполнены травой и смесью из травы и угольков или чем-то похожим на золу и землю. Кроме того, согласно химическим анализам глины, древние бальзамировщики, видимо, учитывали степень сохранности органики в том или ином месте конкретного черепа, которая разрушалась с помощью гашеной извести. В частности, глина, заполнявшая глазницы, полости рта, носа и отверстия в черепах из кургана Новые Мочаги, содержала известь (в качестве связывающего материала), но в глине, которой были обмазаны челюсти и шея, известь отсутствовала. Это общее наблюдение было уточнено в ходе анализа глины (из глазниц и разных мест носовой и ротовой полостей), принадлежавшей одному черепу. Выяснилось, что доля извести в глине была тем выше, чем ближе к лобной кости находилось место, из которого брали пробу; около самих лобных пазух была

введена чистая известь (определения Е.Ю. Медниковой). На наш взгляд, факт использования при реставрации эксгумированных скелетов консервирующих веществ позволяет называть получившиеся имитации не куклами или муляжами, а мумиями.

Погребальный обряд не предполагал сложных хирургических операций над трупами, но процедура погребения была длительной, т.к. готовые мумии до окончательного захоронения где-то накапливали и почитали [Вадецкая, 1995, с. 113]. Если бы сроки изготовления и захоронения мумий совпадали, то не потребовалось бы обновлять гипсом глиняную маску из кургана Новые Мочаги (см. рис. 2) и, наоборот, обмазывать еще одним слоем глины гипсовые маски из кургана Кызыл-Куль. Кроме того, очевидно, мумии родственников, изготовленные в разных районах, свозили в одно место для захоронения в одной могиле, а для этого требовалось время. Данное предположение основано на химическом анализе одной маски из кургана Тепсей XVI, резко отличающейся от других из того же кургана по цвету и составу глины. В качестве связывающего материала в тесто для маски добавлен гипс, а не известь. Признаки применения такой технологии пока обнаружены только в лесостепном районе (кург. 1 у с. Береш), они не зафиксированы в более южных курганах – Новые Мочаги, Лисий, Черногорск, Тепсей XVI.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. – Минусинск: Б.и., 1902 – 1924. – 76 с.
- Адрианов А.В.** О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде // Моск. ведомости. – 1904. – 12 марта (№ 73).
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Вадецкая Э.Б.** Исследование коллективных могил позднеатагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 96 – 122.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.
- Горощенко К.** Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа // Тр. X археол. съезда в Риге в 1896 г. – М., 1899. – Т. 1. – С. 175 – 181.
- Горощенко К.** Курганные черепа Минусинского округа. – Минусинск: Б.и., 1900. – 40 с.
- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б.** Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры: опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146 – 155.
- Мартынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 303 с.
- Павлов П.Г.** Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1987. – С. 109 – 112.
- Пшеницына М.Н.** Глиняная “голова” – предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 44 – 49.
- Пшеницына М.Н.** Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224 – 235.
- Спицын А.А.** Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Зап. Рус. археол. об-ва. – 1899. – Т. 11, вып. 1/2. – С. 134 – 141.

Материал поступил в редколлегию 5.01.03 г.

УДК 903.2

С.П. Нестеров, В.П. Мыльников*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru*

ДЕРЕВЯННЫЕ ОНГОНЫ С РЕКИ БУРЕИ

Введение

В 1989 – 1991 гг. на правом борту долины р. Буреи, в 5 км выше по течению от с. Бахирева Бурейского р-на Амурской обл. исследовалась раннесредневековая сезонная стоянка Большие Симики (рис. 1). Топографической особенностью этого местонахождения, по сравнению с уже известными археологи-

ческими пунктами на р. Буреи (Сухие Протоки-1, 2, Букинский Ключ-1, 2, Безумка, Усть-Талакан), является его удаленность от современного русла реки (приблизительно на 250 м). Однако во время существования стоянки данное место представляло собой островную систему, а сами жилища строились на берегу одной из бурейских проток. На памятнике Большие Симики было раскопано четыре жилища,

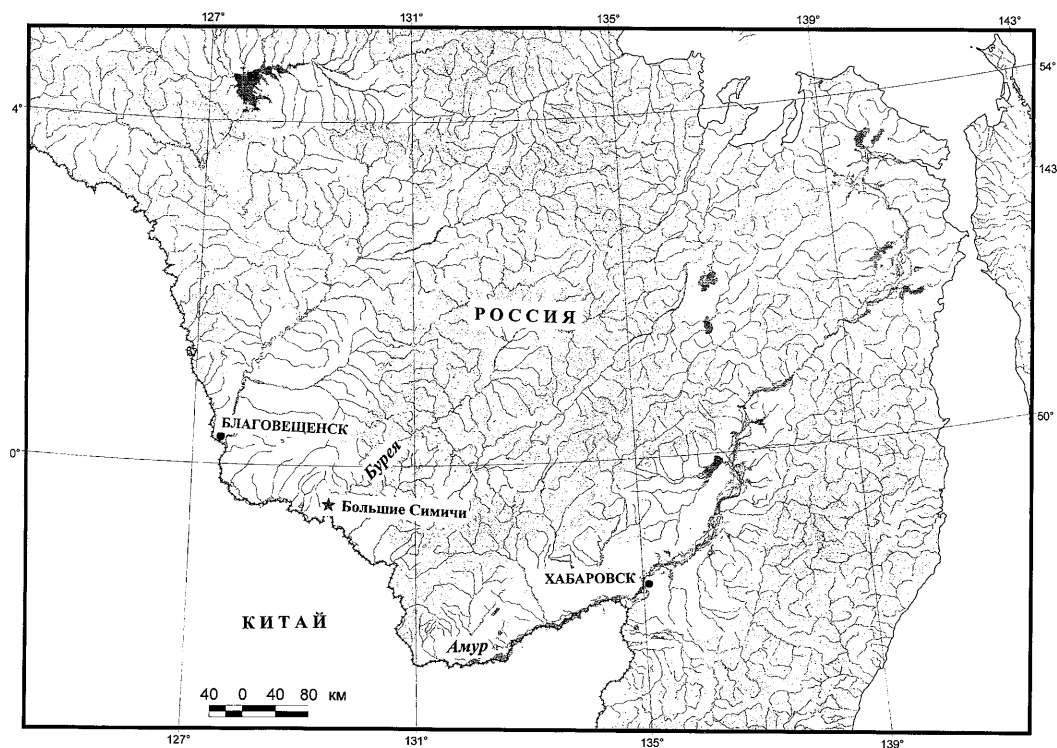

Рис. 1. Местонахождение памятника Большие Симики.